

Творческие
портреты

ЧЕГО ХОЧЕТ ГАМЛЕТ...

ТРИ СПЕКТАКЛЯ, три не похожих друг на друга персонажа... Военврач Тania Овсянникова из «Маленькой докторши» — женщина, для которой вопрос «быть или не быть» решен окончательно и бесповоротно: сложная натура Агнии в «Традиционном сборе»; и, наконец, уродливая физически и нравственно Клавдия в спектакле «Дети Ванюшина»... Все это сыграно одной и той же актрисой — Ниной Засухиной. В этих полярных образах красной нитью проходит тема человеческой совести.

Совесть... В Куйбышевском театре имени Горького шел спектакль с таким названием. Это было несколько лет тому назад. Но осталась в памяти Валя в исполнении Нины Засухиной. В игре актрисы явно прозвучала непримиримость к фальши, ко всему тому, что сеет подозрительность и зло, что мешает восторгам справедливости, принципам социалистического общества.

И вот за справедливость, за наши идеалы человечности идет в бой военврач Тania Овсянникова. Смотришь на Танию — Засухину и диву даешься: откуда у этой худенькой, действительно маленькой докторши столько сил — не только нравственных, но и физических — и тогда, когда выбирается она из окружения, и когда с пистолетом в руках ведет «беседу» с «сахарным майором», и когда в невероятно трудных условиях боевой обстановки выносит на своих хрупких плечах непосильно тяжелую ношу солдатского врача.

Всей сутью образа Тани актриса отвечает на этот вопрос: сила нравственная, сила великой убежденности удесяттерует и силы физические. Да, на фронте лицо Тани — Засухиной исполнено «неженской» строгости — она не только врач, но и командир. Голос актрисы тверд, интонации жесткие... А ведь только что мы ее видели дома, с мамой в обнимку — нежную, немного капризную девчонку, которая, наверно, и мышей боится, и вечером одна на улице выйти не решается...

Засухина не стремится проследивать «рождение героя» — нет, ее Тania появляется перед нами человеком с чистой, уже закаленной совестью. Ее размышления о людях продиктованы не сомнениями, а убежденностью в справедливости и правоте наших взглядов, наших партийных принципов.

Несколько лет назад, в 1952 году, совсем юная Нина, тогда еще не Засухина, заканчивала Московское театральное училище по классу П. Мансуровой. Народный артист, профессор Б. Захав, беседуя с выпускниками — будущими актерами, задавал им, на первый взгляд, странные вопросы и требовал молниеносного ответа. Нину, остроглазую девчонку, профессор спросил: «Чего

хочет Гамлет?». Ответ последовал немедленно: «Справедливости». Вероятно, это был не просто ответ, а уже какой-то сложившийся принцип — пусть пока только теоретический, еще не подкрепленный опытом собственной жизни.

Теперь, когда позади без малого двадцать лет работы в театре, Нина Засухина могла бы подтвердить свой ответ Б. Захаву не только словами, но и десятками сыгранных ролей. Вот почему и сейчас, у ее маленькой докторши слова «совесть» и «справедливость» стали почти синонимами, стали выражением ее человеческой сущности. Противоречия между этими двумя понятиями у Тани Овсянниковой нет.

ДРУГОЕ дело — Агния в «Традиционном сборе» В. Розова. Мы встречаемся с Агнией — Засухиной в чрезвычайно благополучной обстановке: она — преуспевающий литературовед и критик, доктор наук, жена видного ученого. Нет ни облачка на ее небосклоне! И только глаза нет-нет да покроет поволока задумчивости, словно на миг встречается она с чем-то таким, о чем и думать и вспоминать не хочется.

У Засухиной даже внешне Агния отличается от Тани Овсянниковой: маленькая докторша стройна и подтянута, а Агния тонка, настороженна, как осеннее деревцо без листьев, нервно реагирующее на каждое дуновение ветра. И в этой нервозности, срывающихся интонациях — то задумчивых, замедленных, то почти крикливых и плакатных, невольно ощущается внутренняя борьба со своей неугасшей, но уже поведавшей так много компромиссов совестью.

И эта борьба становится реально ощутимой в последующих сценах спектакля — борьба тем более острая и в чем-то даже трагичная, что происходит она в человеке, наделенном и большой волей, и незаурядным умом, и даже талантом.

Нет, борьба эта неравная — Засухина тонко раскрывает несовместимость лжи, несправедливости с чистотой человеческой совести. Желание ее героини стать личностью вопреки правде может привести к благополучию внешнему, но не духовному, нравственному. Ее Агния при встрече с правдой, с человеком, который мог бы стать ее совестью, словно надевает на себя маску, ее шея вытягивается, демонстрируя гордую независимость, губы складываются в насмешливую улыбку. И только слезы появляются на глазах независимо от желания Агнии. Когда ей, такой преуспевающей и важной, задал вопрос Сергей Усов: «Как же ты так не состоялась, Агния?» И может быть где-то в самом отдаленном уголке сердца звучит ответ: потому что когда-то предала самое дорогое в человеке — совесть. Нет, это не «сдача позиций», не желание немедленно «пере-

коваться» — это все та же трудная, невидимая борьба, которую с тонким пониманием человеческой души рисует Нина Засухина. И ее Агния еще более подтягивается, взгляд ее даже становится высокомернее — но это уже защита не от других, а от самой себя...

Агния — одна из лучших работ актрисы. Она нарисована ярко, крупным планом — это единодушно отмечено критикой. Для Засухиной это продолжение главной темы ее творчества, ее эстетических взглядов и принципов.

большому счету, с высоких художественных позиций.

ПРОТЕСТ против нравственной убогости, против эпидемии материального благополучия, философии сытости и приобретательства ярко выразился в образе Клавдии («Дети Ванюшина»). Н. Засухина рассказывает, что, работая над этой ролью, она нарисовала себе дерево с обрубленными ветвями. И только одна ветка у этого уродливого дерева расцветала — это ветка алчности, стяжательства,

Н. Засухина в роли Клавдии («Дети Ванюшина»).
Фото З. Брайнина.

А ведь дался этот образ Засухиной нелегко. Трудно было, по признанию актрисы, «влезть в шкуру» человека, который не строит жизнь, а приспособливается к ней. И дело совсем не в том, что не попались ей прототипы для создания образа Агнии. Нет, они были, Засухина их видела, присматривалась, изучала, но не могла понять, не могла ощутить себя на их месте. Вся ее жизнь в искусстве, все ее творчество посвящено высокой гражданской цели борьбы против приспособленчества и конъюнктуры, против зла и несправедливости. Этот принцип, в конечном итоге, помог ей осудить Агнию крупно, по-

мещанского наконительству. Все соки, опущенные дереву, она поглощала с жадностью невероятной...

Образ Клавдии хорошо изучен и известен. Это порождение темного ванюшинского царства, его духовной нищеты, хищнической, невежественной и жестокой сущности. Но Засухиной мало внешне нарисовать свою героиню — ей необходимо понять ее. Вот почему у этой изуродованной в прямом и переносном смысле слова, горбатой ванюшинской дочери, которая, казалось бы, давно уже ответила себе на все жизненные вопросы, порой такой задумчивый взгляд. Это — от Засухиной,

артистки серьезной, глубокой и интеллектуальной.

Задумчивость — ее подруга... Всякий раз, приступая к работе над новой ролью, Засухина стремится прежде всего осмыслить своего персонажа, обосновать всю линию его поведения, найти корни того или иного поступка, той или иной черты характера, а затем уже вместе со своим героем прожить жизнь или тот ее отрезок, который нарисован драматургом.

Клавдия у Засухиной раскрывается не только в сегодняшнем своем бытии, но и в прошлом. И когда, наслаждаясь падением сестры, она издаст какие-то неопределенные вопли и трудно понять, рыдает она или смеется, — буквально физически ощущаешь, как столкнулись в ней нынешнее и прошедшее, как на живое наступают мертвое. Да, все ветки у этого дерева обрублены безжалостной рукой отца, все человеческое задавлено — осталось одно: забыв о совести, приспособившись, не считаясь ни с чем, оберегать свое мелкое, ничтожное счастье, хвататься за каждую денежную купюру, потому что в ней — все.

И только однажды какое-то инстинктивное чувство человечности пробуждается в Клавдии — Засухиной. Вот Константин рвется в ее комнату, чтобы скандалить со Щеткиным — она не пускает его. Так раненая птица не пускает врага в свое дупло, где прячутся птенцы. Не Щеткина спасает она от Ванюшиных, а детей своих бережет от этого удушливого смрада...

Клавдия у Засухиной — порождение зла, бессильна против зла и носитель зла. У нее нет конфликта со своей совестью — совесть давно угасла в ней. И даже мечта о счастье детей не выходит за рамки представления об окружающем ее мире, о людях, о человечности.

И опять актриса несет свою тему, и опять решает ее масштабно, по-современному.

ТРИ ВСТРЕЧИ с разными людьми, три встречи с человеческой совестью... И в этих встречах, столь не похожих друг на друга, возникает совершенно определенный образ самой актрисы, ее принципиальный взгляд на театр как на высокую гражданскую трибуну, как на могучее средство борьбы за наши коммунистические идеалы, за человека, за чистоту его совести, за его нравственную красоту.

Вот почему искусство Нины Засухиной по-настоящему партийно в самом высоком понимании этого слова. В ленинских принципах человечности и гуманизма, беспощадной борьбе против зла и ханжества, какими бы красивыми словами они ни прикрывались, безграничной веры в правоту нашего дела и светлое будущее — высшая справедливость для актрисы. И если бы сегодня ей снова задали тот самый «каверзный» вопрос: «Чего хочет Гамлет?» — она ответила бы тем же емким и чрезвычайно важным для нее словом.

С. ТАБАЧНИКОВ.